

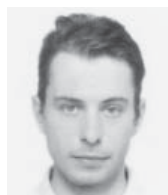
А. В. Савченко,
М. С. Хмелевский

DOI: 10.24411/1811-1629-2020-14056

«ГОРОДА И ВЕСИ» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

ALEKSANDR V. SAVCHENKO, MIKHAIL S. KHMELEVSKI
RUSSIAN TOPONIMICAL PHRASEOLOGY

FROM THE CONCEPTUAL AND LINGUACULTURAL POINT OF VIEW

Александр Викторович Савченко

Кандидат филологических наук,
ассистент-профессор

► savchenko75@mail.ru

Факультет славянских языков
и литератур Государственного
политического университета (Чжэнчжи)

ул. Чжинань, 64, сек. 2, 116, Вэньшань,
Тайбэй, Тайвань

Михаил Сергеевич Хмелевский

Кандидат филологических наук, доцент

► chmelevskij@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет

199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11

Aleksandr V. Savchenko
Faculty of Slavic languages and literatures,
National Chengchi University

No.64 Sec.2, Zhinan Rd., 116, Wenshan,
Taipei, Taiwan

Khmel'evskiy S. Mikhail
Saint Petersburg State University

199034, St. Petersburg,
Universitetskaya emb., 11

В настоящей статье представлен обзор наиболее частотных фразем, в т.ч. устойчивых сравнений в современном русском языке, содержащих топонимы, которые по той или иной причине стали своего рода этнонимами в русской культуре. Факт их употребления в живой речи зачастую обусловлен устоявшимся у носителя русского менталитета исторически и традиционно закрепившимися в языке ассоциациями, представлениями и символикой. Во многом это отразилось в устойчивых сравнениях, метафорах, устойчивых выражениях и языковых штампах, а также во фразеологии и современной разговорной речи. Многие из рассматриваемых топонимов являются этнонимами, и их употребление выходит далеко за рамки исключительно географической науки. Такие наименования, как, например, Москва, Киев, Тмутаракань, Урюпинск или Иваново, Тверь, Рязань и т.д., а также регионы, напр., Урал или Камчатка и даже названия стран, напр. Польша, Бразилия и многие другие давно уже получили нарицательное значение и вызывают определенный, зачастую стереотипный, но устойчивый в русском сознании ассоциативный ряд. Они также нередко выступают и в качестве ключевого компонента фразеологических единиц. Данной теме посвящена настоящая статья, где затронутая проблематика освещена в научно-публицистическом стиле и может представлять интерес не только для филолога-русиста, но и иностранного студента, изучающего русский язык и русскую культуру.

Ключевые слова: фразеология, паремология, идиоматика, культурология, концептуальная топонимика, русский язык, топоним, ойконим.

Given article represents an overview of the most commonly used idioms, phraseological units, stable comparisons in modern Russian, containing toponyms that for one reason or another have become a kind of ethnic symbols in Russian culture. The fact of their use in everyday live speech is often determined by associations, imaginations and symbolics historically and traditionally entrenched in the bearer of the Russian mentality and fixed in the language. This is largely reflected in stable comparisons, stable expressions, metaphors and language cliché, as well as in phraseology and modern colloquial language. Many of analyzed toponyms are traditional ethnic symbols, and their use goes far beyond purely geographical science. Such nominations as, for instance, Moscow, Kiev, Tmutarakan, Uryupinsk, or Ivamovo, Tver, Ryazan etc., as well as regions, for example, Ural or Kamchatka, and even the names of the countries, e.g. Poland, Brazil and many others have long been given a common noun meaning and evoke a certain, as a rule stereotypical, but stable associative row in Russian consciousness. They often also act as a part of a key component of the phraseological units. The article is devoted to this question, where given problem is represented in popular science style and could bring interest not only to a philologist-Russianist, but also to a foreign student studying Russian language and culture.

Keywords: phraseology, paremiology, idiomatic, cultural studies, conceptual toponymy, the Russian language, toponym, oikonym.

Различные типы топонимов, в том числе и ойконимы, а именно названия городов, регионов, стран, встречающиеся в основе метафорической модели устойчивых языковых единиц, формируют большую группу фразеологизмов (фразеологических единиц, ФЕ) и паремий. Эти ФЕ различны как по своей тематике, значению, стилистике, так и по лингвистической природе своего происхождения. Их объединяют только метафорическая и структурно-семантическая модели, в основу которых положен тот или иной топоним, выступающий в качестве основного компонента с определенным семантическим и ассоциативным наполнением. Во фразеологии он зачастую, помимо географической соотнесенности, приобретает метафорическое значение, порой теряя непосредственную связь с самим населенным пунктом, как, например: *сирота казанская, рязанская баба, Москва слезам не верит, язык до Киева доведет, в Багдаде всё спокойно, ехать в Тулу со своим самоваром, сидеть на Камчатке* и многие другие, которые будут более детально рассмотрены в настоящей статье.

Среди обозначенных языковых единиц встречаются как «классические» ФЕ, давно зафиксированные фразеологическими словарями, так и фразеологизированные выражения-неологизмы, часто возникающие на основе различных прецедентных текстов: это могут быть, например, строки из популярных песен, узнаваемые цитаты из художественной литературы, ставшие расхожими фразы из популярных кинофильмов, песен или даже фрагменты из анекдотов, а также цитаты (в первую очередь – фразеологические кальки) из произведений мировой, в основном европейской культуры, которые были перенесены на русскую языковую почву (в оригинальной или трансформированной форме) либо по-своему интерпретированы и трансформированы русским сознанием.

При анализе основы метафорической модели указанных ФЕ в большинстве фразеологизмов с компонентом-топонимом мы находим как реальные названия населенных пунктов, городов, стран, континентов (*Северная Пальмира, ты что – с Урала?, открыть Америку* и т.п.), так и «мифические», вымышленные топонимы, среди которых встречаются также и звукоподражательные (иногда с намеком на реально существующий город), имеющие как правило ирони-

ческий характер и отличающиеся повышенной экспрессией (*Мухоморанск, Засранск – Москвабад, Ебург* и т.п.). Экспрессивность – это характерное свойство как фразеологизмов вообще, так и фразем, ФЕ с ойконимами в частности. Как отмечает А. В. Уразметова, для подобного рода устойчивых единиц характерно определенное метасемиотическое свойство, а именно отсутствие стилистической нейтральности. Их предпочтительное употребление в ряде случаев вместо соответствующих синонимических свободных словосочетаний свидетельствует о том, что они несут в себе несомненную экспрессивную окрашенность, то есть не только обозначают явление как таковое, но до какой-то степени выражают отношение к нему говорящего [Уразметова 2009: 422], а также порождают определенный ассоциативный ряд в сознании носителя русского менталитета и культуры.

Рассматривая некоторые отличительные черты структурно-семантической модели данных единиц, по частиречной составляющей их можно разделить на две группы: 1) с компонентом-существительным (собственно топонимом, например: *ехать в Тулу со своим самоваром*) и 2) исконно притяжательным прилагательным, перешедшим во фразеологию в разряд качественных, образованным от топонима (например: *Курск – курский соловей*: а) «обладающий красивым голосом», б) иронично: «выходец из Курской области», *Белгород – устар. белгородский кисель* «хитрый, ловкий обман» и т.п.).

Говоря о механизме возникновения топонимических фразеологизмов в целом, согласимся с мнением Т. В. Федотовой, которая отмечает, что процесс метафоризации в области топонимических наименований заключается в переходе апеллиатива в оним, причем апеллиатив, чаще всего не имеющий экспрессивной окрашенности, онимизируясь и становясь метафорой, приобретает экспрессивно-эмоциональную окраску, отражающую субъективные признаки географического объекта, пропущенные через субъективное восприятие объекта человеком [Федотова 2008: 48].

Как правило, ФЕ, основой метафорической модели которых является топоним, фиксируют определенные исторические, культурологические и социальные реалии, особенности национальных черт характера и его специфику. В них в определенной степени отражаются традиции и обычаи того или иного народа. По справедливо-

музамечанию Г. Р. Захаркиной, топонимы обладают множеством ассоциаций (историко-культурных, литературных), которые знакомы любому носителю языка [Захарина 2008: 25].

Рассмотрим наиболее иллюстративные и частотные в языке фраземы и фразеологические единицы, распределив их на группы: 1) фраземы и фразеологизмы, в которых ключевым по значению компонентом является непосредственно сам топоним, 2) устойчивые языковые единицы (resp. устойчивые сочетания), где в качестве базового компонента выступает прилагательное, образованное от топонима, а также 3) ФЕ и фраземы с квазитопонимами (т.е. нереальными, вымышленными топонимами), которые как правило также вызывают определенный ряд образных ассоциаций эмоционально-экспрессивного характера.

Отдельную группу фразеологизированных выражений с компонентом-топонимом составляют также единицы перифрастического характера, а также особые устойчивые (resp. фразеологизированные) выражения, обозначающие определенные реалии и как правило представляющие собой концептуальные (или же в определенной степени стереотипные) понятия в русской культуре (*тульский самовар, тульский пряник, оренбургский пуховый платок, астраханские арбузы, алтайский мед, вологодское кружево* и т.п.).

Проанализируем конкретные примеры в соответствии с предлагаемой здесь нами классификацией: а) по признаку реальности – нереальности топонима; б) по источнику происхождения; в) по структурно-семантической модели.

1. К топонимическим ФЕ относятся единицы, в основе метафорической модели которых использованы реальные названия местности (города, страны и т.п.). К наиболее частотным отнесем такие «традиционные» ФЕ и паремии, как: *ездить в Тулу со своим самоваром, язык до Киева доведет, в огороде бузина, а в Киеве дядька, Москва не сразу строилась, Москва слезам не верит, ехать в Москву разгонять тоску, муж в Тверь, жена в дверь, ехать в Москву через Владивосток* (реже: *через Тамбов*), т.е. – «добираться окольными путями» и мн. др. Достаточно большое количество подобных ФЕ, например, *один глаз на нас другой на Арзамас* – «о раскосом человеке», *до Москвы не перевешишь* – «очень много», *Москва бьет с носка (а Питер бока выитер)* – пословица, в которой нашли отражение исторические реалии (опреде-

ленные правила проведения борцовских поединков [БМС 2005: 448]) и др., которые вышли на периферию и являются устаревшими, малоупотребительными или стилистически маркированными.

Историческим и культурологическим контекстом мотивированы и такие топонимические ФЕ, как *как швед под Полтавой* – «погибнуть, пропасть неизвестно где» или менее частотное *пропал как француз в Москве* – «сгореть, бесследно исчезнуть» [Кузнецова 1998: 23].

Некоторые ФЕ, еще относительно недавно считавшиеся неологизмами, с течением времени могут утрачивать свою актуальность (например, в виду увеличивающегося временного отступа с момента данного события), а следовательно, постепенно теряют актуальность и выходят из активного употребления, как это, в частности, произошло с выражением *ежик из Чернобыля* (см. также далее – *чернобыльский ежик*) – «о лысом человеке, лысине», которое по-прежнему фиксируется словарями, но практически не встречается в разговорной и письменной речи.

Помимо упоминаний русских топонимов (resp. связанных с русской историей и культурой), в языке – во фразеологии и паремиологии – встречаются также и иностранные топонимы. Это как правило популярные и хорошо известные в европейской мифологии и истории города, места, регионы и т.п. Назовем, в частности, расхожие выражения *все дороги ведут в Рим* – «то или иное действие приводит к определенному результату, в определенное место», *быть в Риме и не видеть папы (римского)* – «не увидеть самого главного где-л.», *как фанера над Парижем (пролететь)* – «об упущенной возможности, оказаться не у дел, потерпеть неудачу», *отправиться в Мекку* – «уйти/уехать в место, о котором человек давно мечтал». Примечательно разговорное шутовское устойчивое сочетание *я в этом не Копенгаген (а скорее Осло)*: оно демонстрирует еще один способ образования подобных устойчивых экспрессивных единиц, несущих в себе повышенный заряд иронии, шуток, а иногда даже сарказма. Он заключается в фонетическом обыгрывании определенного топонима, как правило с отсылкой к конкретному подразумеваемому и намеренно искаженному слову. В данном случае «Копенгаген» созвучно «компетентен» – осведомлен; Осло созвучно «осёл» – тупица [Белянин, Бутенко 1994: 181].

Среди топонимических ФЕ в русском языке наиболее часто встречается топоним *Москва* (что вполне объяснимо с историко-культурологической точки зрения: важность города в русской истории, его роль как столицы, важного политического, религиозного, делового, культурного центра страны) в качестве компонента русских ФЕ, паремий и различных по происхождению и значению устойчивых сочетаний, объединяет которые один общий категориальный признак – узнаваемость в обиходной речи и частотность их употребления. В этом смысле приведем лишь несколько примеров: *Москва слезам не верит*; *Москва не сразу строилась*; не слишком частотные сегодня выражения *в Москве рубят*, *а в Киеве щепки летят*; *Москва далека, а сердцу близка*; *один в Москве, а второй в Вологде*; *Москва от копеечной свечки сгорела*; *говорят, в Москве кур доят* (о сплетнях) и многие другие.

Шутливо-ироничным фразеологизмом-присловьем является и разговорное выражение *Москва – Воронеж, фиг (хрен) догонишь* (, *а догонишь – фиг (хрен) возьмешь*) в значении «невозможно догнать к-л или ч-л». Популярности фразы отчасти способствовал фильм «Хочу в тюрьму» (реж. А. Сурикова, 1998 г.), где ее можно услышать в речи одного из героев. Заметим, что в основе образа – не просто названия двух городов, а отсылка к маршруту некогда популярного поезда, на котором жители глубинки приезжали в столицу за покупками.

Назовем также популярные и частотные в речи топонимические ФЕ, в которых в качестве ключевых компонентов выступают такие топонимы-названия регионов, стран и континентов, как *на Камчатке (сидеть)* – «в школе на задней парте», *открыть Америку* – «сказать о том, что давно известно», *смешишь Европу* – «вызывать насмешки своими действиями или поведением», *пустите Дуньку в Европу* – «о восторженном отношении и невежестве в приличном месте» (фраза из пьесы К.А. Тренева «Любовь Яровая»), *как до Китая пешком* (чаще вульг. *раком*) – «очень далеко» и др. Выражение *в Греции всё есть* – перифраз из рассказа А.П. Чехова «Свадьба»: *Это в России нищего нету, а в Греции всё есть* – «всё и с излишком» [БСРНС 2008: 151]. Концептуальная и ставшая прецедентной благодаря пьесе А.П. Чехова «Три сестры» фраза *В Москву, в Москву!* в ироническом смысле часто употребляется

в разговорной речи в значении «желание, нереальная мечта уехать от надоевшей бытовой, провинциальной, мещанской суеты и повседневного однообразия». Ср. пример из разговорной речи: *Как мне здесь всё надоело и всё достало! – В Москву, в Москву!* – т.е. что-л. изменить обстановку, причем без соотнесения с конкретным городом. В качестве аналогичного случая употребления прецедентного топонима можно привести и такую крылатую фразу из текста комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», как *В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов*, где лексема *Саратов* в разговорной речи выступает уже не как имя собственное, а как нарицательное в значении «скрыться, уехать далеко, в провинцию, чтобы уединиться и обрести покой, убежать от суеты». Крылатой стала еще одна фраза из этой же пьесы – *французик из Бордо* [БСРП 2007: 704; БМС 2005: 725], однако она уже постепенно выходит на периферию употребления.

Некоторые выражения пришли в обиходный язык и просторечие из текстов и высказываний современных авторов, как, например, в случае с расхожим шутливо-ироничным выражением: *Не ту страну назвали Гондурасом*, которую впервые произнес музыкант, радио- и телеведущий шоумен Н. Фоменко. Название страны – *Гондурас* – в русском жаргоне нередко обыгрывается по созвучию для эвфимизации в ситуации, не позволяющей употребить пейоративное слово или фразу, которые фонетически ассоциируются с табуизированной или жаргонной лексикой (*кондом*, *гондон*) [ССЛЖ 2014]. Ему же принадлежит авторство и другой ставшей распространенной фразы: *Лучше колымить (калымить) в Гондурасе, чем гондурасить на Колыме*, где помимо названия страны обыгрывается русский регион – *Колыма*, который известен своим суровым климатом и тяжелым трудом заключенных.

Ряд ФЕ с топонимическим компонентом дают почву для жаргонного употребления. Так, например, одним из наиболее употребительных является ФЕ *ехать (поехать, съездить) в Ригу* – «рвота, тошнота в результате чрезмерного употребления алкогольных напитков». В данном случае выбор топонима обусловлен исключительно фонетическим созвучием слов *Рига* и «рвать» (жарг. *рыгать*), а не ассоциацией с конкретным городом [БМС 2005: 596].

Как показывают примеры, связанные с художественной литературой и часто даже не со-

относимые в сознании носителя языка с определенным источником, но вошедшие во фразеологический фонд, подобные фраземы как правило имеют цитатную соотнесенность: *Я вам не скажу за всю Одессу* – строчка из популярной песни (широко известна в исполнении М. Бернеса; *Париж стоит мессы (обедни)* – фраза, приписываемая Г. Наваррскому [БМС 2005: 517]. «Песенное» происхождение имеет и фраза *Было дело под Полтавой!*, которое в современном узусе употребляется, когда шутливо, в ироническом контексте говорится о каком-л. случае или приключении. Исконно сама строчка была взята из зачина старинной солдатской песни XIX в. [БМС 2005: 178-179].

С этой же точки зрения примечательной стала и крылатая фраза *увидеть Париж и умереть*. Ее «прообразом» послужила другое крылатое выражение, менее частотное, но фиксируемое в словарях – *увидеть Неаполь и умереть* (итал. *Vide Napule e po' tuore*) [Серов 2005: 665]. При этом принято считать, что это итальянское выражение «пришло на смену» более древнему выражению *увидеть Рим и умереть*. Вероятнее всего, что в языковом обиходе Неаполь на Париж заменил И. Эренбург в своей книге «Мой Париж».

В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» встречается выражение, также ставшее расхожим в обиходной речи, – *как в лучших домах Филадельфии*, построенное по модели: «фраза «*как в лучших домах*» + название города в Род. падеже»: *как в лучших домах... Филадельфии ... Лондона ...* Тот или иной топоним в данном случае выступает уже не в значении конкретного населенного пункта, а в качестве любого элитного, богатого и дорогого места, что обыгрывается в ставшей крылатой фразе из кинофильма «Люди и манекены» (1974-75, реж. В. Храмов): *как в лучших домах Лондона и Парижа*.

Комический эффект может также создаваться и с помощью сочетания высокого и низкого стилей, где в качестве низкого выступают названия провинциальных городов (как реальных, так и вымышленных), например: *как в лучших домах Конотопа / Крыжополя* (оксюмороны, созданные путем сочетания *как в лучших домах* и названий мелких населенных пунктов в Сумской и Винницкой обл., фонетически ассоциируемых в русском сознании с пейоративной лексикой) [Елистратов 2002]. Аналогичное явление наблюдается и в полном варианте устойчивой фразы,

обычно усеченной до устойчивого сравнения *как в Париже: У нас как в Париже, только дома пониже да асфальт пожиже*, или название повести известного украинского писателя О. Ф. Чернугуза «Аристократ из Вапнярки», где комический эффект строится уже на самом названии-оксюморе – *аристократ* и *Вапнярка* (захолустный городок в Винницкой области) [Савченко, Хмелевский 2018: 59].

Популяризации отдельных топонимических ФЕ способствует также и массовая культура, в первую очередь – кинематограф и музыкальное творчество (песни). Ярким примером может служить фильм «Москва слезам не верит» и исполняемая в нем песня, где есть строчка: «*Москва не сразу строилась*» (автор текста Ю. Визбор). ФЕ *увидеть Париж и умереть* тоже дала название популярному в 90-е гг. XX в. фильму режиссера А. Прошкина. Крылатая фраза *в Багдаде всё спокойно* – «ничего не происходит где-л.» – также вошла в языковой обиход и фразеологический фонд из кинематографа («Волшебная лампа Аладдина» (1966), реж. Б. Рыцарев [БМС 2005: 40]).

Шутливо-ироничная фраза *какие люди в Голливуде*, часто используемая при (неожиданной) встрече и ставшая устойчивой и широкоупотребительной языковой единицей, восходит к одноименной песне на стихи Л. Рубальской [Серов 2005: 287]. Образ *Голливуда*, равно как и *Парижа*, стереотипно закреплен в русском сознании как престижное, элитное место, где живут богатые успешные люди, известные актеры и знаменитые режиссеры (с той ассоциативной разницей в русской культуре, что *Париж* включает в себе сему «богемной жизни, центра искусства, моды, идеала красоты», тогда как *Голливуд* вызывает представления об успешности, популярности, гламура и светского лоска).

Список топонимов, вошедших в язык и фразеологизированных благодаря массовой культуре, также можно продолжить названием страны *Бразилия*, которое стало расхожим в разговорной речи уже не как имя собственное после выхода фильма «Здравствуйте, я ваша тетя» (1975, реж. В. Титов), вошедшего в классику отечественного кинематографа. Фраза (*я*) *из Бразилии, где много-много диких обезьян* получила в разговорном языке значение «издалека, из далекого места; из малоизвестной экзотической страны». В связи

с эти нельзя не упомянуть и еще одну часто цитируемую для создания в речи комического эффекта фразу из русской кинематографической классики: *Ты что, с Урала?* – «о глупости, непонимании, провинциальности». Она стала популярной благодаря фильму «Самая обаятельная и привлекательная» (1985, реж. Г. Бежанов). В продолжение списка прецедентных выражений, вошедших в язык благодаря массовой культуре, нельзя не упомянуть и часто цитируемый фрагмент диалога – *Будете у нас на Колыме – милости просим! – Нет, уж лучше вы к нам* – в повседневной разговорной речи это шутливо-ироничное выражение употребляется в значении «приглашение в гости», но нередко с подтекстом – хоть и в гостеприимную, но далекую местность. Данная ставшая крылатой фраза вошла в активный речевой обиход из фильма «Бриллиантовая рука» (1968, реж. А. Гайдай). Примечательно, что нередко ее употребляют в искаженном виде: *Приезжайте к нам на Колыму!*, при этом в обоих случаях ответ подразумевается один и тот же: *Уж лучше вы к нам...*

Довольно большое количество крылатых выражений, содержащих топонимы, дает детская литература, в частности – стихи для детей. Одной из наиболее употребительных фраз стала цитата из стихотворения К.И. Чуковского «Бармалей» (1925): *Как я рад, как я рад, что поеду в Ленинград*, а также различные ее варианты, в частности: *Как я рад, как я рад, что я еду в Ленинград*; *Как я рад, как я рад, что мы едем в Ленинград* и т.п. В разговорной речи выражение обычно используется в значениях: 1) о предстоящей поездке куда-л.; 2) о радости, причем уже без соотнесения с определенным городом [Белянин, Бутенко 1994: 72].

Еще одним известным и популярным детским писателем, произведения которого дали значительное количество прецедентных текстов, является С. Я. Маршак. Приведем одну из его «топонимических» крылатых фраз из стихотворения «Вот такой рассеянный...» (1928): *Это что за остановка – Бологое или Поповка* – эта цитата также нередко используется в обиходном языке как шутливая форма вопроса без соотнесения с реально существующими населенными пунктами, а именно о непонимании места нахождения говорящего при езде на транспорте, в путешествии и т.д. [Серов 2005: 732].

Фразеологизированными выражениями (но не ФЕ в их «классическом» понимании) стали и крылатые фразы из прецедентных текстов типа: *от Москвы до самых до окраин* («Песня о Родине» на слова В. Лебедева-Кумача из кинофильма «Цирк» (1937), реж. Г. Александров), *Ташкент – город хлебный* (название романа А. С. Неверова; фраза стала популярна благодаря снятому по мотивам этого произведения художественного фильма; 1968 г., реж. Ш. Аббасов), *Вас вызывает Таймыр* (также по названию кинофильма) – приглашение подойти (обычно к телефону) [Белянин, Бутенко 1994: 29].

В ряде случаев для образования топонимических ФЕ используются уже готовые фразеологические модели. Ярким примером подобного явления можно считать варианты топонимических ФЕ, где в качестве ключевого компонента использованы названия стран: *курица – не птица, Болгария (Венгрия / Монголия / ГДР / Польша / Румыния / Чехословакия) не за граница*, построенные на основе ФЕ *курица – не птица, баба не человек* [Белянин, Бутенко 1994: 83], в семантике которых заложено ассоциативное противопоставление «близкое – далекое, социалистические – капиталистические страны». В настоящее время это довольно продуктивная модель, дающая целый ряд выражений-неологизмов, куда, в зависимости от темы и контекста, может быть «вставлена» любая страна, сравни, например: *курица – не птица, Белоруссия / Украина / Черногория (и т.п.) не за граница*.

1. Отдельная большая группа разнородных по своему характеру и происхождению единиц, которые могут быть отнесены к фразеологизмам в самом широком смысле – это «стереотипные фразеологизмы» городов, построенные по модели: (название города) + главный «стереотипный признак». Среди наиболее употребительных фразеологизированных, ставших крылатыми словосочетаниями, приведем, например, такие, как: [*Киев*] – *мать городов русских*, [*Москва*] – *город* (вариант: *порт*) *пяти морей*, [*Петербург*] – *культурная/северная* (тж. *криминальная*) *столица*, [*Петербург*] – *Северная Венеция / Северная Пальмира, Одесса – южная Пальмира, Одесса-мама, а Ростов-папа* (по происхождению – из уголовного жаргона), *Самара-городок* (из популярной песни), *Москва – третий Рим* (, а четвертому не бывать) (ставшая расхожей фраза – цитата теологической и политической концепции, изложенной, в частности,

в посланиях игумена Филофея к Великому князю Василию Ивановичу) и т. п.

2. Топонимические ФЕ также включают в свой состав единицы, содержащие в своей метафорической модели названия вымышленных местностей (городов, стран и т. п.), в т. ч. устойчивые выражения со звукоподражательным компонентом-квazитопонимом, хорошо узнаваемым носителем русской культуры и несущим в себе ярко выраженную и при этом понятную экспрессивно-эмоциональную окраску. Характерным примером этому служит квazитопоним *Нью-Васюки*, получивший распространение в современном разговорном русском языке благодаря произведению И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», созданный по ассоциации с названием города Нью-Йорка, т. е. сочетания компонентов *Нью* и названия вымышленной деревни *Васюки*. Квazитопоним *Нью-Васюки* создан на основе оригинальной цитаты из романа: «*Васюки переименовываються в Нью-Москву, а Москва – в Старые Васюки*». На контрастном обыгрывании «высокого» и «низкого», т. е. при соединении компонентов *Нью* и *Васюки* возникает оксюморон как средство создания комического эффекта, который посредством влияния литературы прочно закрепился в русском языковом сознании и в обиходной разговорной речи, став фразеологизмом. В художественном произведении он используется не как географическое наименование, а исключительно в ироническом метафорическом значении «провинциальный населенный пункт, неожиданно ставший центром мира».

Сюда же отнесем также и такие вымышленные пейоративные квazитопонимы, как, например, *Задрыпинск*, *Усть-Пердюшинск* (*Усть-Пердюйск*), *Засранск*, *Мухосранск* и т. п., созданные в основном по принципу фонетического сходства с реальным и стереотипно воспринимаемыми в сознании говорящего топонимами: *Урюпинск*, *Усть-Каменогорск*, *Усть-Илимск*, *Усть-Луга*, *Саранск* и т. д. В обиходном языке жителей крупных городов России они заключают в себе ассоциативное представление о некоем абстрактном провинциальном и удаленном от центра страны (столицы) городе, о захолустье, глухомани с семантическим оттенком «необразованности, дикости, глуши» без географической соотнесенности к определенному месту [Уразметова 2011: 161]. Прозрачная

мотивировка данных лексем вызывает в сознании соответствующие коннотации и ассоциативные параллели с глубокой провинцией и глупым, неотесанным человеком, не умеющим вести себя в приличном обществе с определенными устойчивыми поведенческой культуры. Употребление данных квazитопонимов в конструкциях в сочетании с глаголами *жить в*, *приехать из*, *уехать в* и т. п. нельзя назвать чистыми фразеологизмами, однако их определенная степень фразеологизации подтверждается узнаваемостью и частотностью употребления в обиходно-разговорном языке.

3. Отдельную многочисленную группу составляют ФЕ, а также фразеологизированные или метафорические выражения с прилагательным, образованным от топонима, которое в данных устойчивых сочетаниях употребляется в качественном значении.

Фразеологические (resp. фразеологизированные) единицы со стержневым компонентом-топонимом (в нашем случае названием города – ойконимом), выраженным именем прилагательным, образованные по модели: *название города / региона / страны* и т. п. с суффиксом *-ск- / -ик-* + соответствующая реалья, также считаем необходимым хотя бы частично включить в рассматриваемую здесь тематику с точки зрения их узнаваемости обычным носителем русского языка. Даже если они и не являются фразеологизмами в традиционном научном понимании, они все же представляют собой устойчивые сочетания (с компонентом-топонимом), которые в сознании носителя русского менталитета вызывают не только определенные ассоциации с каким-либо конкретным населенным пунктом или регионом, но и получают те или иные качественные характеристики предмета, явления, человека и т. п. К таким единицам относятся как «классические», традиционные фразеологизмы, давно фиксируемые фразеологическими словарями, как, например: *коломенская верста*, *сирота казанская*, *тульский самовар*, *курский соловей*, *японский городовой*, *китайская грамота*, *тамбовский волк тебе товарищ*, как *рязанская баба*, *сибирский валенок*, *гамбургский счет* (*по гамбургскому счету*) и др., так и относительно новые обороты, причем фонд подобных лексических единиц постоянно пополняется за счет ФЕ-неологизмов, прецедентных текстов, крылатых фраз, прочих устойчивых (resp. фразеологизиро-

ванных) выражений, имеющих цитатную соотнесенность, как, например, выражение: *сказки венского леса* (калька из немецкого языка *Geschichten aus dem Wienerwald*, вальс И. Штрауса, соч. 325, 1868 год). Или: *как денди лондонский одет* (ирон. об элегантно обедом мужчине). Оно часто используется в языке в шутилом контексте, когда говорящий не доверяет полученной информации: *Это всё сказки венского леса* (т.е. «неправда»). Можно вспомнить и выражение *китайское предупреждение* / *последнее китайское предупреждение*, связанное с историческими особенностями и непростыми внешнеполитическими отношениями Китая, Тайваня и США, часто используется в значении «бесполезная угроза; угрозы, которые не могут быть исполнены» [Серов 2005: 526] и многие другие подобные выражения, в т.ч. неологизмы.

Особо можно выделить топонимические ФЕ библейского происхождения и ФЕ мифологии, активно употребляющиеся в речи, как, например, *Троянский конь* – «хитрая ловушка, замаскированный обман», *олимпийские игры*, *Александр Македонский* (по происхождению из греческой Македонии, в разговорном языке употребляется в отношении любого храброго, смелого и отважного человека), *Вавилонское столпотворение*, или же такие терминологизированные метафоры, как *Папа Римский*, *Нюрнбергский процесс*, *Гаагские соглашения*, *Гаагский трибунал* (*Гаагский суд*) и многие другие [Басик 2006: 41], а также шире – фразеологизированная метафора *Праздник весны* – «наступление долгожданной свободы после авторитарного режима» или понятие *стокгольмский синдром*, ставшее медицинским термином не только в отечественной, но и в европейской психологии, который описывает состояние, когда жертва проявляет симпатию к агрессору. Возникновение данного выражения связано с событиями 1973 г. в Стокгольме – захватом заложников, которые впоследствии стали проявлять жалость к террористам.

Большую часть единиц рассматриваемого типа составляют устойчивые сочетания, которые формально не являются фразеологизмами в прямом смысле слова, однако в их внутренней форме заключена концептуальная культурологическая информация и / или «реалии-стереотипы».

Рассмотрим наиболее известные и употребительные из обозначенных выше выражений. Сначала приведем «классические» ФЕ.

Примеры фразеологизмов с компонентом-прилагательным, образованным от топонима:

Гамбургский счет ← *Гамбург* – «об оценке ч-л. без скидок и уступок, с предельной требовательностью» [БМС 2005: 681; БСРП 2007: 651]. Обычно выражение употребляется в форме (*судить о ч-л по гамбургскому счету*) [Серов 2005: 506]. Считается, что данное выражение из обихода борцов, раз в год выступавших на закрытых от широкой публики соревнованиях в одном из трактиров Гамбурга, стало в русском языке крылатым благодаря вышедшему в 1928 г. сборнику критических статей В.Б. Шкловского «Гамбургский счет» [БМС 2005: 681].

Сирота казанская ← Казань: а) «круглая сирота, ребенок, у которого умерли оба родителя», б) «говорится о человеке, прикидывающемся несчастным, чтобы разжалобить кого-либо»: *Нечего бедниться! Подумаешь, сирота казанская! Так мы вам и поверили.* (Ф.К. Сологуб). Происхождение данного выражения имеет две трактовки: 1) татарские мирзы (князья) после покорения Казанского царства Иваном Грозным, жалуясь на свою горькую участь, в челобитных называли себя сиротами, 2) после завоевания Казани появилось много нищенствовавших детей, родители которых погибли при осаде Казани [Вальтер, Мокиенко 2007: 402]. В современном разговорном языке исконное осмысление этого метафорического сочетания почти утрачено, однако его употребление поддерживается народной этимологией – Казанский вокзал в Москве, на который прибывают жители из Татарстана, Башкирии, Чувашии и других отдаленных регионов в поисках заработка, вынужденные первое время ночевать в залах ожидания, поэтому в современном восприятии выражение *сирота казанская* приобрело новый семантический оттенок: «человек, которому некуда идти, негде остановиться в большом городе, в котором у него нет ни родственников, ни знакомых».

Как рязанская баба (вырядиться, разодеться) – «о невежественной, очень пестро и безвкусно одетой женщине» [БСРНС 2008: 25], причем так говорится не только в отношении женщины, но даже и мужчины. А также ФЕ *баба рязанская* – о неловкой, рассеянной, глупой женщине [БСРП 2007: 21]. Основой данного фразеологизма послужило противопоставление излишней вычурности и понятия о скромности. По утверждению В.М. Мокиенко, это выражение появилось в XIV в.,

когда Москва стала торговым центром, куда приезжали торговать женщины из маленьких городков (не только из Рязани) и для привлечения покупателей они надевали пестрые одежды и ярко красились [БМС 2005: 37].

Китайская грамота ← *Китай* – о чем-то абсолютно непонятном, бессмысленном, неизвестном [БСРП 2007: 160; БСРНС 2008: 150]. Образ основан на традиционном восприятии русскими культуры Китая и Востока в целом как чего-то экзотического и непонятного (в первую очередь, китайской письменности, иероглифов).

Японский горюдой ← *Япония* – образовано на фонетическом сходстве слова *японский* с русским субстандартным словом, а точнее – с начальными буквами обценной лексемы на «ё» [Белянин, Бутенко 1994: 183]; выражение выполняет роль восклицания, выражающего досаду, раздражение, негодование [БСРП 2008: 156].

Итак, мы привели лишь некоторые наиболее иллюстративные примеры, которые могут выступить в качестве наглядного языкового материала по рассматриваемой тематике. Можно, таким образом, отметить, что ФЕ и разнородные по своему характеру устойчивые (фразеологизированные) единицы, содержащие топонимы, составляют значительный пласт широкоупотребительных и активно используемых в повседневной речи лексических средств современного русского языка в силу того, что в сознании русского менталитета они вызывают тот или иной ассоциативный ряд, сформированный и закрепленный в нем в силу экстралингвистических, а именно культурологических, исторических и других факторов, рассмотренных в настоящей статье. Подобные единицы могут отражать различные национальные и интернациональные исторические и культурные реалии (как, например, топонимы-библейзмы); нередко они построены по определенной уже существующей фразеологической модели с заменой исходного ключевого компонента-топонима. В качестве основы метафорической модели также широко используются звукоподражательные топонимы и топонимы, созданные по модели реальных, но являющиеся вымышленными (квазитононимы).

Источниками анализируемых устойчивых сочетаний являются как традиционные фразеологические единицы и поговорки, так и многочисленные неологизмы, возникающие, главным образом, на основе прецедентных феноменов (цитат из ли-

тературных произведений, песен, фильмов, наименований определенных явлений действительности, связанных с тем или иным топонимом).

В языке данные единицы способны нести определенные коннотации, вызывать в сознании носителя языка конкретные ассоциации, способствовать созданию ярких экспрессивных образов, вносить в речь различные стилистические контрасты, выражать те или иные эмоции, могут иметь ту или иную экспрессивную окраску или создавать комический эффект в разговорной речи.

По-прежнему открытым остается вопрос, какие из рассмотренных единиц можно отнести к ФЕ в их традиционном научно-терминологическом понимании, а какие выходят за его рамки и относятся к широкой сфере экспрессивно-выразительных, метафорических средств языка (в т.ч. устной разговорной речи). Нам также представляется, что подобные достаточно разнородные единицы требуют более четкой терминологической дефиниции, детального анализа, теоретического и лексикографического описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басик С. Н. Общая топонимика // Учебное пособие для студентов географического факультета: БГУ. – Минск, 2006. – 197 с.
2. Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. – М.: ПАИМС, 1994. – 192 с.
3. БМС 2005: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ; Люкс, 2005. – 926 с.
4. БСРНС: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: Олма Медиа Групп, 2008. – 800 с.
5. БСРП: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
6. Вальтер Г., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М., Олма Медиа Групп, 2007. – 701 с.
7. Захарина Г. Р. Фразеологические единицы с компонентом-топонимом в английском, русском и татарском языках // Вестник ВятГУ. – Киров, 2008. – №2. – С. 23–25. /.
8. Савченко А. В., Хмелевский М. С. «Над кем смеетесь?», или о специфике создания комического в украинском языке (на примере романа О. Чернугуза «Аристократ из Вапнярки») // Współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze. Językoznawstwo: Akademia Humanistyczno-ekonomiczna. – Łódź, 2018. – S. 57–73.
9. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 852 с.

10. Кузнецова И. В. Русские устойчивые сравнения: идеография, ареалы, этимология: спецсеминар по фразеологии. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 1998. – С. 23.

11. ССЛЖ: Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-195-2.htm#zag-1103> (дата обращения: 30.07.2020).

12. Уразметова А. В. Английские и французские ойконимические фразеологизмы // Вестник Башкирского университета. Т. 14. №2. – Уфа, 2009. – С. 421–424.

13. Уразметова А. В. Каламбур как стилистический прием при образовании фразеологизмов с топонимами (на материале английского и французского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. №. 10 (225). Вып. 52. – Челябинск, 2011. – С. 159–161.

14. Федотова Т. В. Специфика метафорических топонимов в аспекте восприятия мира человеком // Вестник ВГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008, № 2. – Воронеж: ВГУ. – С. 48–51.

REFERENCES

1. Basik S. N. (2006) Obshaiya toponimika [General toponymy]. In: *Ucebnoe posobie dlia studentov geograficheskogo fakulteta BGU [Study guide for students of the geographical faculty of Belorussian state University]*. Minsk. (in Russian).

2. Belianin V. P., Buteenko I. A. (1994) Zhivaiya rech [Colloquial speech]. In: *Slovar' razgovornykh vyrazhenii [Dictionary of spoken phrases]*. Moscow. (in Russian).

3. BMS: Birich A. K., Mokienko V. M., Stepanova E. A. (2005) Russkaya phraseologia. Istoriko-etimologicheskii slovar' [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow. (in Russian).

4. BSRNS: Mokienko V. M., Nikitina T. G. (2008) Bolshoi slovar russkikh narodnykh sravnenii [Large dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow. (in Russian).

5. BSRP: Mokienko V. M., Nikitina T. G. (2007) Bolshoi slovar' russkikh pogovorok [Large dictionary of Russian proverbs]. Moscow. (in Russian).

6. Walter H., Mokienko V. M. (2007) Bolshoi slovar' russkikh prozvisch [Large dictionary of Russian nicknames]. Moscow. (in Russian).

7. Zaharina G. R. (2008) Frazеologicheskie edinicy s komponentom-toponimom v anglijskom i tatarskom yazykah [Phraseological units with toponimy components in English and Tatarian languages]. In: *Vestnik ViatGU [Bulletin of Viatki state university]*. pp. 23–23. Kirov. (in Russian).

8. Savchenko A. V., Khmelevskii M. S. (2018) 'Nad kem smeetes?', ili o specifikе sozdania komicheskogo v ukrainskom yazyke (na primere romana O. Chernoguza 'Aristokrat iz Vapniarki' ['Who are You laughing at?'; or about specific of comic effect in Ukrainian language (on the example of the roman O. Chernoguz 'Aristocrat from Vapnyarka')]). In: *Współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze. Językoznawstwo [Modern linguistic researches, problems and analyses]*. pp. 57–73. Łódź, Poland. (in Russian).

9. Serov V. V. (2005) Encyklopedicheskii slovar' krylatykh slov i vyrazhenii [Encyclopaedical dictionary of winged words and expressions]. Moscow. (in Russian).

10. Kuznetsova I. V. (1998) Russkie ustoichivye sravnenia; ideografia, arealy, etimologiya [Russian comparatives min phraseology, areals, etymology]. Cheboksary. p. 23. (in Russian).

11. SSLZH: Slovar' sovremennoi leksiki, zhargona i slenga [Dictionary of Russian lexic, jargon and slang]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-195-2.htm#zag-1103>. (date of application 30.07.2020).

12. Urazmetova A. V. (2009) Anglijskie i francuzskie oikonimicheskie frazeologizmy [English and French oiconomical praseologismes]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkirian university]*. Vol. 1. № 2. pp. 421–424. Ufa. (in Russian).

13. Urazmetova A. V. (2011) Kalambur kak stilisticheskii priem pri obrazovanii frazeologizmov s toponimami (na materiale anglijskogo i francuzskogo yazykov) [A pun as a stulistic device of creation of phraseologismes with toponimic components (on the material of English and French languages)]. In: *Vestnik Cheliyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk state university]*. № 10 (225). Vol. 52. pp. 159–161. Chelyabinsk. (in Russian).

14. Fedotova T. V. (2008) Specifika metaforicheskikh toponimov v aspekte vospriatiya mira cheloveka [Specific of the metaphorical toponyms in the aspect of human perception of the world]. In: *Vestnik VGU: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunakaciya [Bulletin of Voronezh state university: Linguistics and intercultural communication]*. № 2. pp. 48–51. Voronezh. (in Russian).